

Т. Г. Фруменкова

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ ПОСЛЕ ЕЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИИ (1809–1820-Е ГГ.)

Вхождение Финляндии в состав России внесло определенные изменения в жизнь разных социальных групп жителей страны и всех ее «обывателей» в целом. Эти новшества формулировалась в законах и других распоряжениях местных властей и отразились в документах РГИА¹.

20 марта (1 апреля) 1812 г. Александр I подписал постановление «О браках жителей Финляндии с лицами иного исповедания»². В первых строках постановления его авторы напоминали, что по законам, действующим в России и в Великом княжестве Финляндском, браки «между людьми разных исповеданий дозволяются», и следовало только определить правила, которые должны соблюдаться при заключении таких браков, чтобы «тем предупредить могущие происходить от тех браков, особенно же от воспитания детей в законе Божиим, и оставить в своей силе и без ограничения свободное в Финляндии исповедание»³. Таким образом, император лишний раз напоминал, что Финляндия сохраняет свои гражданские законы⁴ и новая власть собирается только несколько уточнить их.

Постановление подтверждало разрешение на заключение браков между людьми разных вероисповеданий и уточняло удостоверение «беспрепятственности их к вступлению в брак», то есть предоставление сведений о том, что они не состоят уже в браке и не являются родственниками. Заранее предполагалось, что основными русскими женихами станут военнослужащие, поэтому справки об их холостом состоянии следовало требовать от «шефов полков и других военных начальников». Всем другим «не жительствоющим в Финляндии лицам», очевидно, протестантам, требовалось предоставить свидетельство главного пастора того прихода, к которому они принадлежали. Оно должно быть переведено на «известный язык духовенству того прихода, где надлежит быть обнародованию

брака»⁵, и официально заверено. Если жених и невеста переселялись в Финляндию из одного и того же места, свидетельство должно было содержать также информацию об отсутствии между ними родства, препятствующего браку.

Объявление о предстоящем браке лиц, которые не могли доказать своего внебрачного состояния, публиковалось в «Санкт-Петербургских ведомостях» с тем, чтобы знающий препятствие к браку мог сообщить об этом. На оглашение отводился целый год «по причине обширности государства нашего», то есть его срок по сравнению со шведскими законами был значительно увеличен. Зато норма, утверждавшая, что объявление о браках женихов, уходящих в поход или отправляющихся «куда-либо по другим делам службы», «чинилось» только в один воскресный или праздничный день, сохранилась⁶. Во время венчания полагалось соблюдать «обряды обыкновенные в церквах обоих исповеданий». Авторы постановления подчеркивали, что это соответствует действовавшим ранее шведским законам.

На Финляндию распространили и существовавшее в российском законодательстве правило, согласно которому «должны дети, рождаемые от брачной четы различного вероисповедания, непосредственно воспитаны быть в той вере, которую исповедует отец», что в целом соответствовало и шведским нормам. Внебрачные дети, невзирая на веру отца, воспитывались в том вероисповедании, к которому принадлежала мать. Исключение составляли дети, которых содержали в Финляндии «на общественном иждивении». Их следовало воспитывать в той вере, которая господствовала «в том краю», независимо от исповедания матери. Ни православным, ни лютеранским священникам не разрешалось крестить детей от смешанных браков, по закону принадлежавших к другому исповеданию⁷.

В феврале 1816 г. командиры воинских подразделений, размещенных в Выборгской губернии, обратились с запросом к генерал-губернатору Финляндии графу Ф. Ф. Штейнгелю, который переслал письмо председателю Комиссии финляндских дел барону Б. Троилю. Выборгская губерния Российской империи, как известно, в 1811 г. была передана в состав Великого княжества Финляндии. В связи с этим возник вопрос «об открытии детей (имелись в виду сыновья. — *Авт.*), принадлежащих военному ведомству, как прижитых во время службы воинскими служителями, так и в отставке, равномерно незаконнорожденных, от солдатских вдов и девок с гражданами и крестьянами, и крестьянками прижитых с военными служителями, для причисления их в военно-сиротские отделения»⁸. Представители военной администрации осознали, что теперь в Выборгской губернии действуют другие законы, и просили «наставле-

ния», могут ли они отнимать этих детей у родителей без согласия последних. Ф. Ф. Штейнгель высказал предположение, что все названные выше мальчики и по новым постановлениям могут быть признаны принадлежащими военному ведомству и «отняты у родителей против воли их для причисления в сиротские отделения»⁹.

Однако Александр I иначе толковал финляндские законы. Он повелел, чтобы действующие в России законы «о доставлении солдатских детей, подкидышей и детей, прижитых в незаконном браке, в военно-сиротские дома, для назначения к военной службе, распространены были на Финляндию в таком токмо отношении, чтоб под сие постановление попадали одни дети солдатские, прижитые в законном браке российскими солдатами расположенных в Финляндии войск». Когда это распоряжение стало претворяться в жизнь, Выборгский комендант получил предписание инспекторского департамента Главного штаба от 13 марта 1817 г., основанное на постановлении Комитета министров от 2 декабря 1816 г. о том, что разрешается принимать в военно-сиротское отделение «детей свободного состояния финляндских уроженцев, кои просят об определении их по их бедности». Чиновники инспекторского департамента утверждали, что по закону права родителей в Финляндии на детей простирались «только на время несовершеннолетия их», так что подобных воспитанников военно-сиротских отделений следовало «оставлять в военном звании дотоле, как окажутся к военной службе способными, не взирая на то, что по достижении совершенных лет в полном праве они избрать желаемый род жизни»¹⁰.

Комиссия финляндских дел 15 декабря 1817 г. представила положение Комитета министров на утверждение императора. Александр I, выслушав ее доклад, заявил: из правил работы военно-сиротских домов следует, что воспитывающиеся в них дети «навсегда имеют оставаться в военном состоянии, никакого изъятия в пользу финляндских... верно-подданных сделаться быть не может; почему дети финляндских обывателей, если б и родители сами пожелали, в военно-сиротском доме приняты быть не могли». Исключение составляли только законные сыновья «солдатов расположенного в Финляндии российского войска»¹¹. Таким образом, большую часть детей, родившихся в Финляндии, нельзя было приписать к военному сословию, и рекрутчина на них не распространялась.

Новые положения были также посвящены судопроизводству. 6 (18) февраля 1816 г. Александр I подписал «Постановление о судопроизводстве, соблюдаемом между военными чинами расположенных в Финляндии российских войск и жителями ее»¹², в котором обстоятельно изложены все подробности проведения следствия и суда по делам такого рода. Император напоминал, что все военнослужащие за свои проступки

и уголовные преступления подлежат военному суду. Это положение относилось и к правонарушениям, обнаружившимся по жалобам жителей Финляндии. Если проступок считался незначительным, то виновного наказывал командир без организации судебного процесса. Когда «военный чин» совершал преступление вдалеке от расположения своей части, дело рассматривал местный суд в присутствии военного депутата.

Гражданские споры военнослужащих с финскими «обывателями» разбирались местными гражданскими судами, причем авторы постановления предупреждали, что «по долгам унтер-офицеров и рядовых, в чем бы они ни заключались, вследствие указа от 1797 года 19 марта признаваемых вообще недействительными, никакая жалоба и требование не приемлется»¹³.

Николай I в самом начале царствования обратил внимание на другой аспект процессуального права во взаимоотношениях между империей и ее автономией. 26 марта 1826 г. император утвердил «Положение о преступлениях, чинимых в России финляндскими, а в Финляндии российскими обывателями»¹⁴. Тяжкие и нетяжкие преступления, совершенные «одним или не более 10 человек обывателей Финляндии в России или российских обывателей в Финляндии» полагалось судить на месте преступления. Законодатель напоминал, что тяжкими «в обоих краях» признаются преступления, которые наказываются смертной казнью, лишением чести или каторгой. Подсудимому, не знавшему местного языка, полагался переводчик. Суд по тяжким преступлениям, совершенным более чем 10 лицами, также проводился на месте преступления. Подобные маловажные преступления, если подозреваемые не обнаружены на месте преступления, расследовались «по сношениям между собою судебных и полицейских начальств обоих краев на месте жительства или пребывания сбежавших»¹⁵.

Особые правила устанавливались для расследования и суда над теми, кто совершил преступление в «обоих краях». В этом случае дела тяжкие преступления расследовались там, где было начато следствие по первому из них, а «маловажные» там, где был обнаружен подсудимый. Приговор выносили по законам того края, в котором проводился процесс. Приговоры по тяжким преступлениям, вынесенные представителям тех сословий, которые пользовались «особыми преимуществами состояния» передавались на утверждение императора. Наказания осуществлялись там, где был вынесен приговор¹⁶.

В первые же годы после вхождения Финляндии в состав России петербургские власти озаботились проблемой распространения русского языка среди финских гражданских и военных чиновников. 11 января 1812 г. Г. М. Армфельд, в то время советник Александра I по делам Фин-

ляндии, обратился с письмом к генерал-губернатору Ф. Ф. Штейнгию. Он уведомил адресата, что император «во уважение пользы и необходимости для чиновников и служащих в Финляндии знать русский язык» повелел предписать Правительствующему совету (предшественнику Финляндского сената. — *Авт.*) высказать свое мнение о том, сколько «полагает он дать времени молодым людям, какого бы чина и звания они ни были, желающим вступить в службу, для показания своих успехов в изучении и познании русского языка на открытом экзамене»¹⁷.

В ответном письме от 18 апреля 1812 г. члены Совета сообщили, что собрали «истребованные мнения», представленные «не токмо академической, но и духовною консисториею в сем городе (Або. — *Авт.*), но и Боргосскою консисториею о том, что при общественных училищных заведениях для достижения сказанной цели» нужно определить учителей «российского языка и проч.». На основании полученных сведений Совет изложил императору следующие мысли: «Теперь взять (не) имеется способов и случаев при общественных училищных заведениях сего края для юношей выучиться русскому языку, так как кроме Выборгской губернии во всем краю единственно при Академии здесь в городе имеется двух учителей сказанного языка, кои при том, как академическая консистория заметила, за незнанием шведского языка принуждены преподавать свои лекции на немецком, французском или латинском языке, от чего неминуемо встречаются разные препятствия и затруднения в обучении российскому языку»¹⁸.

Высшие чиновники Великого княжества Финляндского были убеждены, что «совершенное распространение всеобщего знания сего языка» не может быть достигнуто до тех пор, пока все училища не будут обеспечены учителями русского языка, в совершенстве знающими также и шведский язык. Совет посчитал, что цель русских властей может быть достигнута «скорее всего и с меньшими для штатной казны издержками», если император «не токмо принятых при академии учителей российского языка отличающихся особенным прилежанием и искусством в выполнении своих обязанностей, но и впредь определяемым учителям, приобретшим себе столь основательного знания в российском языке, что в том могут обучать юношество, дозволено было сверх следующих им по законам двойных служебных лет, в поощрение и награждение не токмо за издержки и труды, понесенные ими в приобретении познаний сказанного языка, но и за особую тягость в обучении оному юношества считать в свою пользу единожды навсегда два года послужить»¹⁹. Через 10 лет после того, как все училища будут обеспечены учителями русского языка, можно будет обязать всех молодых людей любого звания и состояния, имеющих «намерение вступить в казенную службу, доказать публично знание и искусство в том языке»²⁰.

В ответ на это донесение 6 июня 1812 г., находясь в Вильно, Александр постановил, чтобы, во-первых, при «Боргосской гимназии и при Абовском училище, равно как и при каждом из тривиальных училищ в Ловисе, Гельсингфорсе, в Тавастгусе, в Биеркеборге, в Вазе, в Улеаборге и в Куопио в самоскорейшем времени определены быть по одному учителю русского языка, а сии учителя обязаны будут, согласно с изданными вообще для училищ постановлениями, преподавать... и российскую словесность»²¹. Во-вторых, учителю русского языка гимназии в Борго назначалось из штатных финляндских сумм ежегодное жалованье в размере 800 руб. «банковыми ассигнациями». Учителя остальных училищ должны были получать по 600 руб. асс. в год сверх «пользования всеми теми выгодами, какие вообще принадлежат находящимся при финляндских училищах чиновникам»²². В-третьих, учителей тех городских и деревенских училищ, в которые не были назначены специальные преподаватели русского языка, если они знают русский язык достаточно хорошо для того, чтобы обучать ему, следует поощрять к этому. Им разрешалось пользоваться назначениям «двойных лет» и «еще двумя по службе годами». Наконец, в-четвертых, экзамен по русскому языку для будущих чиновников следовало провести по истечении 5 лет со времени назначения в училища соответствующих учителей²³.

В постановлении от 10 апреля 1813 г. император заявил, что учителя русского языка «ныне частью уже определены, частью же в непродолжительном времени будут назначены». В связи с этим было принято решение назначить отсчет пятилетнего срока, необходимого для введения экзамена по русскому языку, с 1 мая 1813 г. По истечении 5 лет «никакой студент... не должен приниматься быть в духовное звание или получить академическое свидетельство для приискивания себе иной публичной должности» без знания русского языка²⁴.

Следующий документ дела о введении русского языка в Финляндии датируется уже 1826 г., началом правления нового императора. Это доклад Николаю I генерал-губернатора А. А. Закревского. Он начинается справкой о тех мерах по распространению русского языка, которые были приняты предшественником, и сведениями об их исполнении. Автор доклада напоминал, что пятилетний срок, назначенный для экзамена по русскому языку, оканчивался в мае 1818 г. Позднее, 23 декабря 1823 г., Александр Павлович «до времени» исключил из числа экзаменующихся тех студентов Абовского университета, которые собирались поступить в духовное звание.

В марте 1824 г. генерал-губернатор получил от вице-канцлера Абовского университета сведения о том, что с 1818 г. публичный экзамен по русскому языку сдали 756 студентов. Однако эти первые итоги не удовлетворили генерал-губернатора. Он писал молодому императору:

«Казалось бы, что в такой малонаселенной стране, какова Финляндия, сие число молодых людей, ознакомившихся с русским языком, было ощутительно заметно; напротив, и в губернских городах новой Финляндии едва найти можно в служащих лицах человека, который бы в состоянии был на русском языке сколько-нибудь объясниться, а из поступающих ко мне жалоб видно, что даже по старой Финляндии, где русский язык большей части жителей известен, определяются авскультантами (младшими судебными чиновниками. — *Авт.*) к городским судам молодые люди без всяких в русском языке познаний»²⁵.

А. А. Закревский обратил также внимание на воинские части. По его словам, в «финских войсках никогда дотоле и в виду не было требовать доказательств о знании русского языка от новоопределяющихся в службу молодых людей, несмотря на высочайшее повеление, да и в российские войска, расположенные в Финляндии, были принимаемы вовсе не знакомые с российским языком финляндцы, потому что монаршая касательно их воля не была в свое время сообщена от предместника моего начальнику 23-й пехотной дивизии. Таким образом, многие из финляндцев в русских и финских войсках достигли офицерских чинов, зная российский язык не более, как сколько в течение времени по навыку с оным ознакомились»²⁶. А. А. Закревский сообщил, что «по воинской части» он принял меры к точному исполнению постановления предыдущего императора, но «по гражданской части» его полномочия ограничены, так как новых чиновников на службу принимали представители местной администрации. Как командир отдельного Финляндского корпуса, он отдал приказ начальнику дивизии финских войск. Генерал-губернатор рассмотрел рапорт начальника дивизии, отметил его «сбивчивость», потребовал соблюдения указов Александра I о знании русского языка и распорядился в дальнейшем принимать на службу только лиц, имеющих свидетельство о знании русского языка. Исключение из этого правила делалось только для нижних чинов. Унтер-офицеры, не имевшие соответствующих документов, могли получить первый офицерский чин только после сдачи экзамена. А. А. Закревский обратился к Николаю с просьбой подтвердить постановления предшественника. На представлении император 19 августа 1826 г. написал следующую резолюцию: «Исполнить, и сим нисколько не отнимается у властей власть в определении чиновников»²⁷.

«Языковые» указы Александра были подтверждены 24 августа 1826 г. Информация о свидетельствах, полученных выпускниками, должна была поступать к генерал-губернатору. Возможно, в качестве примера А. А. Закревский представил полученный им список из 11 человек, сдавших экзамен и определившихся на службу в административные учреждения Або, Вазы, а также в судебный департамент Финляндского сената²⁸.

Последними документами, включенными в дело, стали манифест Александра I от 3 ноября 1817 г. «Об испытании студентов Абосского университета, желающих вступить в гражданскую службу» и уточнявший его манифест Николая I от 28 ноября (10 декабря) 1828 г. По манифесту Александра публичный экзамен по русскому языку должны были сдавать студенты, желавшие поступить на службу в различные департаменты Комиссии финляндских дел. Манифест Николая написан более четким юридическим языком. Он определял, что все желающие «поступить на службу в судебный департамент Финляндского сената, в гофгерихт, или общий ревизионный суд (или в Канцелярию по делам Великого княжества Финляндского, в разные экспедиции хозяйственного департамента Сената, или в деловые секретари или земские камериры, или в горное ведомство), обязаны, кроме студентского экзамена, подвергнуться... особому испытанию» сначала в «общих познаниях для гражданской службы», а затем и специальному экзамену. Среди «частных испытаний» назван экзамен по шведскому языку, а также «особенные испытания в российском языке», которые должны были проводиться экстраординарным профессором этого предмета, причем «желающие служить по части правительственной должны быть испытаны сим же профессором в сочинении на российском языке»²⁹. Оба манифеста подробно регламентировали процедуру проведения экзаменов.

Итак, языковая политика Петербурга, как представляется, была сдержанной; распространение русского языка среди чиновников активизировалось при А. А. Закревском.

Все предыдущие изменения в жизни населения Финляндии не были радикальными. Зато резко изменилось положение части населения Выборгской губернии. Как известно, Выборгская губерния, или «старая Финляндия», в 1811 г. была включена в состав Великого княжества Финляндского. В России на крестьян этой губернии было распространено крепостное право. Теперь они стали подчиняться общим финляндским законам и, следовательно, получили свободу. Российским властям пришлось освободить и русских крепостных, переведенных их владельцами в Выборгскую губернию. «Дело об освобождении некоторых русских крестьян, проживающих в Финляндии, от крепостной зависимости» открывается документами 1812 г. об освобождении русских крепостных в Финляндии за деньги. Например, братья Ушаковы заплатили своему господину графу Д. Н. Шереметеву 14 000 руб. за освобождение своих семей, их освободили в сентябре 1812 г., в разгар Отечественной войны³⁰.

Дарование свободы финским крестьянам Выборгской губернии побуждало русских крестьян к подаче прошений об освобождении. Поначалу каждое из них передавалось на высочайшее утверждение, и император

обычно решал вопрос положительно. Так, в 1819 г. прошение об освобождении своих детей подал корчмарь из Выборга М. С. Лемешев. Финляндский Сенат был в затруднении, так как еще в августе 1812 г. Александр Павлович в своем постановлении предупредил о том, что помещикам необходимо переселить «крепостных обывателей» Выборгской губернии в российские губернии или в этих губерниях записать по ревизии. По его постановлению находившиеся в услужении у чиновников финляндской администрации сыновья корчмаря были освобождены с тем, чтобы это решение не распространялось на крепостных людей, состоящих в услужении «у приезжающих или у лиц, пребывающих токмо некоторое время в Выборгской губернии, ежели таковые служители законным образом... записаны в ревизию по какому-либо месту, где существует крепостное право»³¹. Это положение станет основой для решения вопроса об освобождении крепостных, проживавших в старой Финляндии.

3 марта 1825 г. Комиссия финляндских дел сообщила генерал-губернатору, что император в ответ на представленное ему очередное прошение об освобождении крепостных потребовал составить для него общую справку обо всех проживающих в крае крепостных людях с указанием времени их нахождения в Финляндии. В представленный уже 6 июня 1826 г. список вошло 41 имя, большая часть крепостных была записана вместе с семьями.

Молодой император «всех крепостных людей, кои надлежащими актами... могут удостоверить, что они во время обнародования... манифестов... 11 и 31 декабря 1811 г. касательно присоединения бывшей Финляндской губернии к прочей Финляндии числились по последним ревизским сказкам оной губернии за помещиками своими, признать вправе искать и получить освобождение от крепостного состояния безо всякого вознаграждения или окупа, хотя бы они после означенного времени были перечислены из означенной губернии в ревизиях по российским губерниям... Напротив сего... император на увольнение из крепостного состояния прочих находящихся в Выборгской губернии или в других местах Финляндии людей, если они не принадлежат к роду вышеупомянутых, не соизволил... повелев вследствие того не принимать просьб такого рода от последние упомянутых крепостных людей»³². Прощения и необходимые документы крепостным первой группы следовало направлять ландстевдингу губернии и представлять на высочайшее имя, от последних они не принимались. Официальное объявление об этом Николай I опубликовал в Гельсингфорсе 17 июля 1826 г. Крепостным, по ревизии записанным в Выборгской губернии, повезло. О финских крестьянах и речи не шло — они подчинялись законам Финляндии, в которой крепостного права не было.

Это распоряжение решило судьбу четырех крепостных ярославского помещика отставного майора Замыцкого, «водворившихся в городе Выборге и просящих о даровании им свободы». Еще в мае 1825 г. финляндские чиновники вели переписку об этих людях. Осенью 1824 г. Замыцкий обратился в Комиссию финляндских дел с просьбой о возвращении ему крепостных, живших в Выборге «по просрочке данных им паспортов без всякого вида». Чтобы вернуть свою собственность, отставной майор сначала написал ландсгевдингу губернии, но тот позволил крепостным продолжить «пребывание у частных лиц на поручительстве» до выхода императорского указа о судьбе русских крепостных в старой Финляндии. Выяснилось, что крепостные по последней ревизии были записаны в Ярославской губернии, и еще до выхода объявления императора А. А. Закревский в своем письме в Комиссию финляндских дел осудил поведение ландсгевдинга и подчеркнул: «Ежели всякий крепостной русский человек, зашедший в Финляндию для заработков со срочным паспортом, будет искать свободы и здешнего гражданства, то русские помещики должны будут принять отвращение от увольнения своих людей в здешнюю страну, в которую каждое лето является множество русских рабочих на каменоломнях и при строениях каменных зданий»³³. После объявления дело четырех предприимчивых крепостных было решено. Получить свободу им не удалось.

По представлению финляндских властей 23 апреля 1827 г. император подписал объявление «о сделках, чинимых о крепостных людях в Финляндии». Для предотвращения злоупотреблений российским дворянам в Финляндии запрещались любые сделки с крепостными — купля-продажа, залог, передача в наем, дарение и т. д. По сведениям, полученным из финляндских губерний, в 1827 г. в Финляндии обнаружилось 423 человека «лиц русской нации»³⁴. Наконец, в мае 1827 г. Николай подписал указ, который объединил содержание обоих объявлений, посвященных русским крепостным Финляндии³⁵.

Петербург также подтвердил официальный статус лютеранских праздников в Финляндии и добавил к ним 4 православных праздника.

Итак, в 1810–1820-е гг. императорская власть наиболее активно занималась Финляндией, естественно, в первые годы после ее присоединения, до Отечественной войны. Александр I отчасти вернулся к этим вопросам в 1815–1816 гг., но без прежней энергии. Николай Павлович активно вникал в проблемы Великого княжества Финляндского с первых месяцев своего царствования, параллельно со следствием и судом над декабристами и укреплением своего режима внутри страны. Политика российских императоров по отношению к различным слоям населения Финляндии была сдержанной и разумной, чуть более решительной она

стала при генерал-губернаторе А. А. Закревском. К своим новым подданным как Александр I, так и Николай I относились заметно бережнее, чем к титульному и другим народам, издавна проживавшим в Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 635 с.

Высочков Л. В. «Оставьте финнов в покое»: Николай I и Великое княжество Финляндское // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003. С. 62–73.

Высочков Л. В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. С. 18–30.

Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 168 с.

Остен-Сакен В., фон дер. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб.: Государственная типография, 1910. 220 с.

Суни Л. В. Великое княжество Финляндское. Становление автономии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 137 с.

Шкваров А. Г. Метрические книги православных церквей Финляндии как источник по истории русских гарнизонов Великого княжества. 1809–1917. (По материалам Национального архива Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. № 14. С. 257–266.

Шкваров А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 12. С. 80–89.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1361. Статс-секретариат ВКФ.

² Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–6.

³ Там же. Л. 2.

⁴ *Юссила О., Хенттила С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 32.

⁵ РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 59. Л. 2 об. — 3.

⁶ Там же. Л. 3 об. — 4 об.

⁷ Там же. Л. 5–6.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 7 об.

¹⁰ Там же. Л. 8–9, 10.

¹¹ Там же. Л. 11–11 об.

- ¹² Там же. Д. 66. Л. 2.
¹³ Там же. Л. 6.
¹⁴ Там же. Л. 21.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же. Л. 21 об. — 22.
¹⁷ Там же. Д. 55. Л. 1–1 об.
¹⁸ Там же. Л. 4–4 об.
¹⁹ Там же. Л. 6.
²⁰ Там же. Л. 6 об.
²¹ Там же. Л. 8–8 об.
²² Там же. Л. 8 об.
²³ Там же. Л. 8 об. — 10.
²⁴ Там же. Л. 11.
²⁵ Там же. Л. 15 об.
²⁶ Там же. Л. 16–16 об.
²⁷ Там же. Л. 14, 26–27 об.
²⁸ Там же. Л. 20–20 об., 25.
²⁹ Там же. Л. 30, 35–36, 39, 41–43, 46–46 об., 49–50.
³⁰ Там же. Д. 56. Л. 2–2 об.
³¹ Там же. Л. 8–9 об.
³² Там же. Л. 30 об. — 31.
³³ Там же. Л. 18–20, 22–26 об.
³⁴ Там же. Л. 46–51.
³⁵ Там же. Л. 52–52 об.